

УДК 801.73+372.882

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-296-299

ЗОТОВ Сергей Николаевич,
доктор филологических наук, профессор кафедры
литературы

ZOTOV Sergey Nikolaevich,
Doctor in Philology, Professor, Chair for Literature,

**ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ (К ЭПИСТЕМОЛОГИИ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК)**

**THE PROBLEM OF STUDYING BELLETRISTIC
LITERATURE (HUMANITIES EPISTEMOLOGY)**

В статье анализируется главный недостаток современного образования в изучении литературы, связанный с пониманием подражательности словесности. Традиция обучения гуманитарным дисциплинам складывается на основе представлений античности о мимесисе, утрачиваемом в последующие эпохи аристотелевскую креативность. Гуманитарные дисциплины осознаются преимущественно в качестве инструмента познания или как отражение проблем действительности. При этом забывается, что слово не столько отражает мир, сколько обнаруживает человеческое существование. В статье рассматриваются некоторые аспекты возникающей новой научной дисциплины, гуманитарной эпистемологии, дающей возможность осмыслить гуманитарное знание и, в частности, – знание о художественной литературе, диалогически, в соответствии с некоторыми положениями теории М.М. Бахтина. В результате изучение художественной литературы должно стать действенной формой постижения исторической жизни.

The article analyzes the main flaw of modern education in the study of belletristic literature associated with the understanding of imitative nature of literature. The tradition of teaching the humanities is based on the ancient view on the concept of mimesis, which in the sequel lost its Aristotelian creativity. Humanities are apprehended mainly as an instrument of cognition or reflection of the problems of the reality. At the same time, it is forgotten that the word not only reflects the world, but discovers the specificity of human existence. The article discusses some aspects of the newly emerging scientific discipline, called humanitarian epistemology, which allows comprehending the humanitarian knowledge, in particular knowledge of literature, dialogically, according to certain provisions of Bakhtin's theory. As a result, the study of literature should be an effective form of comprehension of historical life.

Ключевые слова: изучение литературы, эпистемология, диалогизм, экзистенциальный смысл, жизнетворчество, самоопределение личности.

Key words: study of literature, epistemology, dialogism, an existential meaning, life-creation, self-identification of personality.

Европейская традиция непосредственно указывает на первостепенность занятий языком и литературой, начиная со школьного образования в античности. Эллинистическая античная грамматика, переходившая в старших классах в занятия риторикой, включала в себя уроки литературы, предполагавшие изучение крупнейших поэтов (Гомер, Еврипид, Менандр, оратор Демосфен). «В задачу общеобразовательной средней школы не входило научить молодого человека конкретной профессии и дать ему связанные с ней фактические знания. Основное требование сводилось к раскрытию духовных способностей человека, к созданию предпосылки для его высшего образования или для дальнейшего выбора специальности» [8, с. 641].

На античной почве возникает *тривиальность* последующей ситуации европейского образования. «Тривиум (лат. Trivium – трехпутье), с IX в. один из циклов учебных предметов, включающий в себя три науки о слове – грамматику, диалектику и риторику... [8, с. 587]. Тривиум представлял собой низший цикл дисциплин в обучении. Причем в Средние века подчеркивается и упрочивается инструментальность языка–литературы–риторики в качестве определяющего образования свойства, которое культивировали уже античные софисты. Понятие инструментальности языка (в широком смысле) противоположно представлению о языке как об исключительном способе обнаружения бытия и существования, обстоятельств человеческой жизни – в ее предметности и смысловом многообразии. При этом бытийно-познавательный аспект гуманитарного знания постепенно предавался забвению, поглощался общественной практикой, прагматикой «пользователей» языка в противоположность креативному эзотеризму слова и знания, который продумывался и сохранял смысл даже у плодovitых авторов отчуждающих текстов – Платона и Аристотеля. Не напрасно считалось, что знание передается только в эзотерическом взаимодействии познающих, в процессе которого и происходит образование смысла. Известен ответ Аристотеля Александру Македонскому о возможностях книжного учения: «тот, кто не слышал философа, ничего не поймет в его трудах» [9, с. 18]. Аристотель же пытается аналитически уловить и текстуально закрепить диалектику образовательных мотивов, например, учения об артистическом мимесисе (подражании), представляющем собой «форму активности, которая вновь создает изображаемые объекты в новом измерении» [7, с. 166]. Речь идет об особенном подражании – как созидании пространства смысла, о креативности художества, которое дает жизни обнаружить глубинные свои возможности, ибо «задача поэта – говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости... Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории» [1, с. 655]. Однако по-

степенно произойдет аберрация понимания, знаменательная подмена, сводящая смысл мимесиса к так называемому «отражению действительности», которая существует объективно, помимо искусства и служит критерием его достоверности.

Позднейшая традиция господства технологий и простого подражательного понимания языка (в широком смысле – всей гуманитарной проблематики) привели к «забвению забвения» (Хайдеггер) – нивелировке различия познавательного и практического, бытийно-антропологического и социально-прагматического: рациональное и полезное стало сознаться истинным и существенным. Был утрачен своеобразный предмет познающей мысли – открывающее мир слово, забыта исходная антропная инициатива слова. Ницше писал, что филология «стремится исследовать глубочайший инстинкт человека – инстинкт речи» [5, с. 5,6].

Дело не в многоаспектности изучения языка и литературы, а в антропологической укорененности самой проблемы *филологического* в образовании: это не только и не столько конкретное знание о языке и литературе, сколько предпосылка и возможность всякого гуманитарного знания, своеобразный «прообраз» смысла, – возникающий в контакте со словом невербальный источник нравственно-психологического нарастания личностных качеств человека в широкой познавательной перспективе.

Образовательная практика может и должна преодолеть *тривиальное* в изучении художественной литературы, существуют предпосылки придания образованию новой познавательной интенции, которая, как нам кажется, связана с гуманитарной *эпистемологией* [См. об этом, в частности: 3, с. 19-32].

«Гуманитарная эпистемология» – рабочий термин, обозначающий философское осмысление гуманитарного знания в социально-онтологическом измерении его, в единстве так называемой духовной истории (Geistesgeschichte), «большого времени» – единстве реальной преемственности...» [4, с. 7]. В.Л. Махлин имеет в виду особую научную философскую дисциплину, которая бы придала последовательность герменевтическому взгляду на историю в противоположность традиционным научным «методам». Основания для учреждения такой дисциплины философ видит, в частности, в учении М.М. Бахтина. «Герменевтический опыт взаимодействия между "героем" истолкования (с его историческим миром жизни) и "автором" истолкования (исследователем, интерпретатором с его уже другой исторической ситуацией), – этот опыт, собственно, и образует специфический предмет гуманитарной эпистемологии, т.е. философии исторического опыта...» [4, с. 8]. В. Махлин использует здесь понятия и термины М. Бахтина и констатирует необходимость артикуляции диалогического смысла того, что эпистемолог называл «выразительное и говорящее бытие». «Вненаходимость» понимающего (творящей личности исторического «сейчас») по отношению к понимаемому («герой», личность, всякий определенный внутри себя смысл, самоосмысленность эпохи, самосознание человека, коллектива и т.п.) обуславливает необходимость плодотворного диалога, в котором заново рождаются обе его стороны: «я существую для другого и с помощью другого» – вот своеобразная формула взаимодействия на почве общей культурной (литературной) традиции, внутри которой, меняясь в связи с условиями понимания, взаимодействуют культурообразующие смыслы истории. Придавая смысл «другому», «я» не «присваиваю» его с помощью «генерализующего» метода, но продумываю историческую дистанцию, преодолеваю «чуждость чужого без превращения его в чисто свое» [2, с. 203 – 206].

По существу, гуманитарная эпистемология представляет собой исследовательскую практику, преодолевшую ограниченность методологизма на почве диалогических представлений герменевтики М. Бахтина. Не умножая терминологические сложности, постараемся рассмотреть некоторые аспекты взаимодействия жизни – искусства – писателя – читателя в конечной отнесенности к образовательной ситуации, к пониманию филологического образования.

Изучение языка и литературы представляет собой сферу образования человека, – в смысле конституирования личности, «человекообразования», а не государственной аттестации, – место встречи человека с самим собой, пространство нравственно-психологического возрастания человека в создаваемом им одновременно мире-культуре, по мере его освоения и претворения. Во всей «тривиальной» системе образования, как нам кажется, утрачено отчетливое представление о том, что такое литература и чтение.

Со времен уклонившихся к методу последователей перипатетика Аристотеля вопрос «что такое литература» решается в категориях подражательности. Эта теория исходит из основополагающего различия первичной объективной действительности (природно-культурных, экономических, социально-нравственно-психологических обстоятельств определенной эпохи исторической жизни человека) и творческого сознания (субъективно определенного воплощения историко-культурного процесса) как отражения этой действительности. Искусство, по распространенному утверждению, представляет собой «субъективный образ объективного мира». Но творческое сознание также «действительно» и существенно, – по крайней мере, не менее, чем

физическое существование человека и другие явления, принадлежит *этому* миру, в *этом* его состоянии, самосознании и исторической определенности. С этой точки зрения, искусство, литература (творческое сознание) могут быть поняты в качестве формы самовыявления человеческой действительности, ее самовысказывания; можно сказать, что жизнь как бы свидетельствует о себе самой, *говорит художником* о своей характерности, в полной мере присущей как обстоятельствам, так и человеку эпохи. И одновременно литература есть форма самоопределения, самообнаружения, самопознания человека в мире: выявляя живую историческую проблематику, человек-творец обнаруживает себя в качестве понимающего, оценивающего и претворяющего сущее. Таков двуединый смысл литературного творчества.

Социально-исторические характеристики жизни обнаруживаются в литературном произведении интеллектуальным переживанием человека-художника, детерминированного, «образованного» культурным развитием эпохи, возникшего благодаря обстоятельствам, к которым он обращен творчески, познавателью. Претворяя эстетически обстоятельства жизни, он сбывается в качестве человека культуры, литературное творчество имеет экзистенциальный смысл, заново творит мир и самого человека (писателя), являемого этой созидательной деятельностью, уясняющего свои собственные черты благодаря воссозданию конкретной исторической жизни.

Чтение литературного произведения, переживание художественных образов также может быть понято как экзистенциальное событие: волнуемый вымыслом благодаря искусству писателя, чувственно и интеллектуально погруженный в проблематику художника, читатель не перестает оставаться самим собой, конкретно-исторической личностью определенного миропонимания, нравственно-психологических и волевых установок «сейчас» и т.п. Диалогическое отношение читателя к смыслу искусства заключается не столько в сознательном выборе, рациональных оценках и предпочтениях, которые, разумеется, могут иметь место, но скорее в напряженности вовлечения в проблему жизни, которая волнует одновременно художника и читателя и так или иначе обнаруживается в произведении.

По Пастернаку, «Искусство не просто описание жизни, а выражение единственности бытия... Значительный писатель своего времени... – это открытие, изображение неизвестной, неповторимой единственности живой действительности» [6, с. 354]. Мир всегда существует как «этот» мир, данный творческому переживанию художника и узнаваемый диалогическим участием читателя, обретающего благодаря искусству пространство собственного опыта и возникающего в качестве человека данной культурной традиции. Так изучение литературы вновь приобретает житнетворческую инициативу, которую так ценили античные авторы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Аристотель*. Поэтика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. – М., 1984.
2. *Бахтин М.М.* К методологии литературоведения // Контекст-1974: Литературно-теоретические исследования. – М., 1975. – С. 203-206.
3. *Зотов С.Н.* Поэтическая практика русского модернизма (Основы экзистенциальной исследовательской практики). – Таганрог, 2013.
4. *Махлин В.Л.* Второе сознание. Подступы к гуманитарной эпистемологии. – М., 2009.
5. *Ницше Ф.* Философская проза; Стихотворения: Сборник. – Минск, 2000.
6. *Пастернак Б.* Об искусстве. – М., 1990.
7. *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность. – СПб., 1994.
8. Словарь античности. – М., 1989.
9. *Шифман И.Ш.* Александр Македонский. – Л., 1988.

REFERENCES

1. *Aristotle*. Poetics [Poetika]. Aristotle. The compositions in four volumes. Vol. 4, Moscow, 1984
2. *Bakhtin M.M.* To the methodology of literary studies [K metodologii literaturovedenija]. *Moskva* 1975. pp. 203-206.
3. *Zotov S.N.* Poetry of Russian modernism (existential Foundations of research practice) [Poeticheskaja praktika russkogo modernizma (osnovy ekzistencijalnoj issledovatel'skoj praktiki)], *Taganrog*, 2013.
4. *Makhlin V.L.* Second consciousness. The approaches to humanitarian epistemology [Vtoroje soznaniye Podstupy k gumanitarnoj epistemologii], *Moscow*, 2009.
5. *Nietzsche F.* Philosophical prose; Poems: a Collection [Philosophskaja prosa; Stikhotvorjenja: Sbornik], *Minsk*, 2000.
6. *Pasternak B.* About art [Ob iskusstve], *Moscow*, 1990.
7. *Reale G, Antiseri D.* Western philosophy from the beginnings to the present day. I. Antiquity. *Sankt-Peterburg*, 1994.
8. Dictionary of antiquity [Slovar antichnosti], *Moscow*, 1989.
9. *Shifman I.S.* Alexander of Macedon [Alexandr Makedonskij], *Leningrad*, 1988.

Информация об авторе

Зотов Сергей Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», Таганрог, Россия

Получена: 12.09.201

Information about the author

Zotov Sergey Nikolaevich, Doctor in Philology, Professor, Chair for Literature, Anton Chekhov Taganrog Institute, branch of the Rostov State University of Economics.

Taganrog city, Russian

Received : 12.09.201